Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Даниил Хармс – между умом и заумью

26.08.2026.

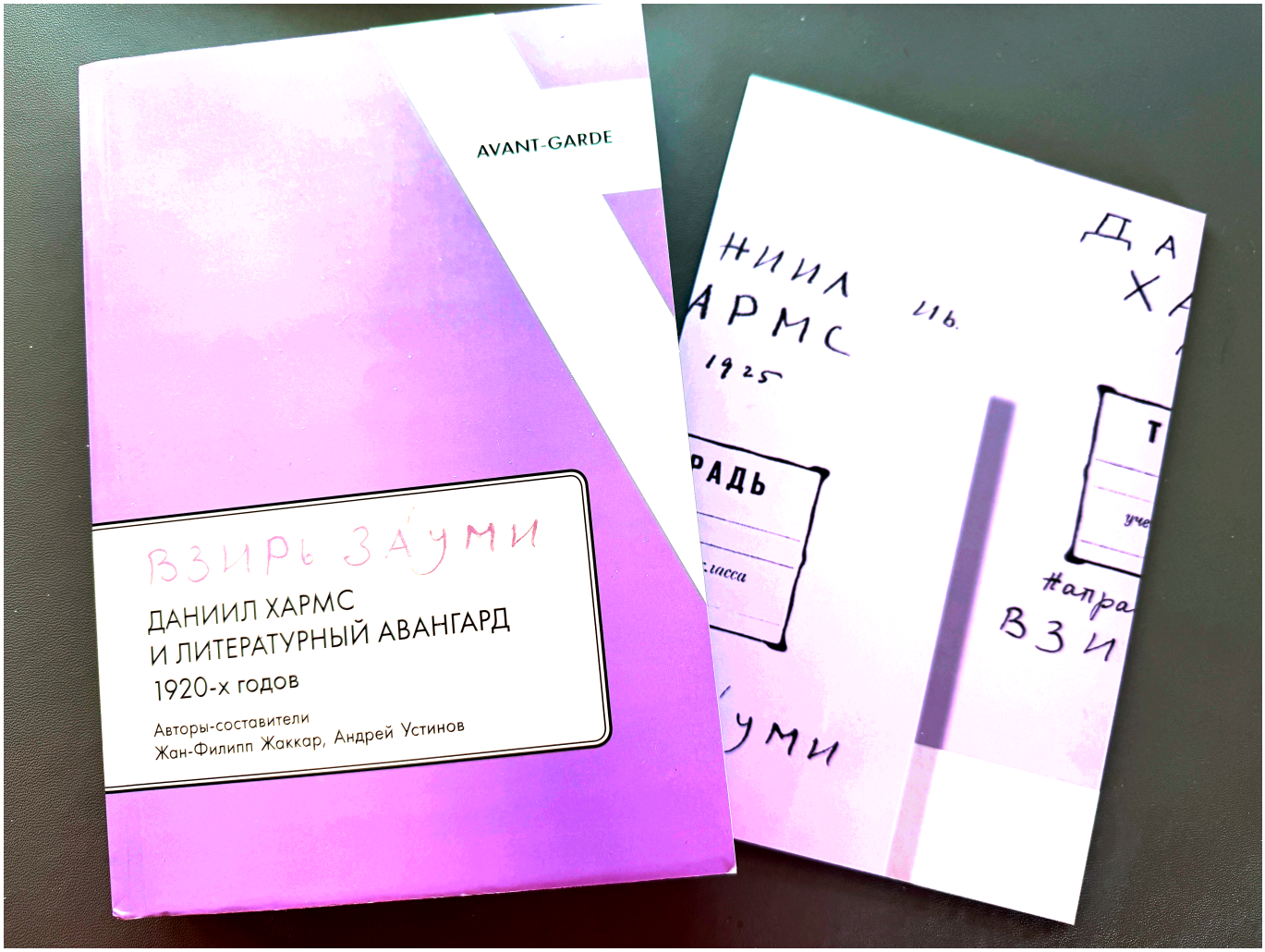

Photo © N. Sikorsky

Даниил Хармс (Даниил Иванович Ювачёв, 1905–1942) прожил всего тридцать семь лет, но стал одной из самых загадочных фигур русской литературы XX века. Поэт, прозаик, драматург и участник авангардного объединения ОБЭРИУ (Объединение реального искусства), он создавал абсурдные, смешные и пугающие тексты, опередившие свое время на десятилетия. При жизни почти не публиковался, зарабатывал главным образом произведениями для детей, тогда как его «взрослая» проза существовала лишь в рукописях и дружеских кругах. В 1931 году был арестован и выслан из Ленинграда, а в августе 1941 года вновь арестован – на этот раз по доносу, за «антисоветские настроения». Опасаясь расстрела, Хармс симулировал психическое расстройство и был помещен в

психиатрическое отделение тюремной больницы «Крестов», где умер во время блокады Ленинграда 2 февраля 1942 года – предположительно от голода, но обстоятельства его смерти остаются невыясненными до сих пор. Реабилитированный в 1960 году, он вернулся к читателям лишь спустя десятилетия после смерти и сегодня считается одним из крупнейших русских писателей-авангардистов, чьи абсурдные миниатюры оказались удивительно точным отражением трагической эпохи.

«<Взирь > зауми Даниил Хармс». Фотография Хармса, подаренная им Георгию Матвееву. На обороте надпись: «Дорогому поэту Жоржу – другу – от Председателя взиря зауми ДаНиила Хармса 13 сент 1925»

Жан-Филипп, первый раз я брала у тебя интервью в 2008 году. Обращалась на вы, величала профессором – смешно сейчас это читать. Тогда я сообщала читателям, о переводе на русский язык твоей книги «Даниил Хармс и конец русского авангарда» (Санкт-Петербург, «Академический проект», 1995 г.), а теперь поводом для разговора стал выход книги, которую ты написал вместе с российским исследователем Андреем Устиновым «Взирь За́уми. Даниил Хармс и литературный авангард 1920-х годов» – тридцать лет спустя после первой и по случаю 120-летия со дня рождения Даниила Хармса. Книга вышла в Санкт-Петербурге, в издательстве «Европейского университета», не прервавшего, судя по всему, свою работу в России несмотря на войну в Украине. В нашей беседе в июне 2022 года ты сказал, что веришь в нормальных людей. Следует ли рассматривать твое сотрудничество с российскими коллегами как пример такой веры? Как повлияла война на ваш проект?

Война не повлияла на наш проект, потому что он был задуман и начат до войны, а потом просто надолго затянулся – вплоть до выхода книги, как раз к юбилею Хармса. Изначально же он задумывался, очень эгоцентрично, к 30-летию нашей первой с Устиновым публикации в 1991 году, публикации, которая стала одним из первых примеров сотрудничества советского учёного с западным коллегой. Тогда мы опубликовали в «Венском славистическом альманахе» тексты Хармса, и в 2021 году решили отметить нашу тогдашнюю победу переизданием этой публикации, с добавлением того, что было сделано за прошедшие годы.

Но случился ковид, потом началась война, выход книги откладывался, но все же она вышла, и – да, мы сделали это с «нормальными людьми» Европейского университета, что подчёркивает желание сотрудничать с «нормальными людьми» и дальше, и здесь, и там. Ненормальных слишком много вокруг, и там, и здесь. То, что Европейский университет в Санкт-Петербурге еще работает, удивляет даже его собственных сотрудников. Были попытки его закрыть под предлогом требований пожарной безопасности, первоначальное помещение отобрали, но университет сменил адрес и продолжает работать.

Во вступительной статье вы с Андреем Устиновым пишете, что материалы Хармса, хранящиеся в Пушкинском доме, были и остаются недоступны даже для исследователей. А почему?

Ну, потому что сотрудники ревниво их охраняют, это осталось еще с советских времен. В свое время нужные нам тексты мы получили контрабандой – один хороший человек, уже покойный, просто их переснял.

Жан-Филипп Жаккар на открытии Музея ОБЭРИУ. Санкт-Петербург, 12 декабря 2025 г.

Можно сказать, что к юбилею Хармса приурочена не только ваша книга, но и открывшийся в конце прошлого года в Петербурге Музей ОБЭРИУ – в бывшей квартире поэта Александра Введенского, также арестованного в 1941 году по обвинению в контрреволюционной агитации и вскоре умершего. Кому-то открытие этого музея может показаться очередным актом лицемерия: сначала обвинить поэтов во всех смертных грехах, затравить, а потом «увековечить». Ты так не думаешь?

Нет. Я думаю, что это, скорее всего, обычный исторический российский культурный бардак. Я помню, несколько лет назад, еще до войны, уволили из школы учительницу из-за того, что она преподавала «запрещенных», то есть репрессированных когда-то поэтов – Введенского, Хармса и других. И это при том, что оба издавались огромными тиражами, а в театре неподалеку от той школы шла пьеса Хармса «Елизавета Бам». Кроме того, Музей ОБЭРИУ – частный, а не государственный. В прошлом году человек по имени Андрей Гнатюк, московский предприниматель, выкупил бывшую коммуналку, в которой жил Введенский, и решил сделать в ней музей. И сделал.

Приходите в музей!

Я знаю, что ты побывал на открытии. Здорово было?

Очень здорово! Удивительно было увидеть эту странную, трапециевидную комнату Введенского, когда-то описанную как гроб близким другом Хармса Яковом Друскиным, советским философом и музыковедом, спасшим архивы Хармса и Введенского во время блокады Ленинграда. Увидеть ее своими глазами было… невероятно. Особое место в музее, как в каждой советской квартире, особенно коммунальной, занимает кухня. Так очень много интересного: издания, свидетельства, артефакты, библиотека, где есть и моя книга 1995 года. Можно увидеть даже последнее письмо Александра Введенского матери, написанное незадолго до смерти. Открытие музея было временным, работа продолжается, ее можно сравнить с археологической: на стене обнаружили следы руки, достаточно высоко. Судя по росту, это может быть отпечаток руки Хармса – таким высоким в той компании был только он. Всем этим занимаются энергичные молодые энтузиасты, одной из их «предводительниц», Юлии Сениной, нет еще 30 лет. Это внушает надежду.

В музее обэриутов

Почему тебя не отпускает Хармс?

Хармс меня отпустил – я с легкой иронией отношусь к людям, посвящающим всю жизнь одному автору. Но, во-первых, поскольку он автор нескучный, можно иногда к нему возвращаться, а во-вторых – не отпускают люди. Хармс – очень популярный

писатель, меня все время приглашают на различные связанные с ним конференции, но далеко не все приглашения я принимаю, ведь новой информации у меня нет.

Кому адресована новая книга?

Как ни странно – самой разной аудитории, в силу огромной популярности Хармса. За первые пять месяцев разошелся весь тираж, и это при том, что она достаточно дорогая, «академическая», иллюстрированная, факсимильная, с большим количеством «научных» примечаний. Но не обязательно же читать все примечания! Многих интересуют сами стихи и оригинальные тексты, которых в книге тоже очень много, причем некоторые публикуются впервые. А архивные документы тех лет вообще читаются, как детектив, ведь середина 1920-х стала ключевым моментов в истории русской культуры, а начинавшиеся тогда репрессии – предвестниками того, что последовало.

Стихотворение «От бабушки до Эстер» из «Фиолетовой тетради», 1925 г.

Думаю, многие современные россияне не знают, что такое «заумь» – слово на обложке книги. А как объяснить это русское литературное явление, явно не переводимое на другие языки?

На самом деле это можно объяснить довольно легко. Потому что это слово образовано в 1910-е годы для обозначения фонетической поэзии. «За умом». То есть это «тип мышления», который не проходит через ум, а обращается сразу к эмоциям. Создание нового чисто поэтического, фонетического языка – это эквивалент супрематизма, абстракции в живописи. Иными словами, «Черный квадрат» Малевича и заумь футуриста Алексея Кручёных – это эквиваленты. Если совсем коротко, то заумь – это абстрактная поэзия. Но это не значит, что она состоит исключительно из звуков, просто звук и ритм преобладают над смыслом.

Литература в России, затем в СССР, а теперь снова в России играла и играет особую, политическую роль. Вот и слово «заумь», ничего кроме странных стихов не означающее, уже в конце 1920-х годов превратилось, как вы справедливо отмечаете, в синоним «контрреволюции». Почему? И почему так часто «другое» – странное, непонятное – оценивается как угроза?

Настоящее искусство всегда немножко впереди. Мы говорим об авангарде, используя военный термин, из-за чего это слово не любил Ионеско просто потому, что он подразумевает арьергард, и это уже традиция. Настоящее искусство всегда авангардное, оно должно быть впереди чего-то, и, конечно, осуждается. В обществе происходит то же самое: всех возмущал человек, первым вышедшего на улицу в шортиках. А сегодня все ходят в шортиках. И в искусстве, и в жизни это считается «революционным поведением». На самом деле ничего подобного. Но ситуация в Советской России в конце 1920-х годов немножко иная, потому что в тот момент все постепенно сужается до определенного единственного канона – канона будущего соцреализма. Это было время борьбы на всех фронтах. И культура, и вот эти люди в ней – оригиналы, чудаки – воспринимались как угроза, конечно. На Западе не доходило до физического уничтожения людей, но процессы шли похожие – обсуждали, осуждали.

Заявление Осипа Мандельштама в Союз Поэтов. <Резолюция:> Принят в

действ<ительные> члены. Засед<ание> Правления 28/I 1927. П.Лукницкий

Прошло ровно сто лет с момента описываемых в книге событий. Можно ли говорить о возврате России назад, об установлении нового старого канона?

Думаю, все же нет, режим другой. Можно говорить об усилившейся роли цензуры – я помню историю с изданными воспоминаниями Пазолини, в которых целые куски были просто вычеркнуты. Сначала это показалось просто смешно, потом стало не смешно. Но это именно действия цензуры, а не органический литературно-художественный процесс, нацеленный на создание нового эстетического канона. Пока! В 1930-е годы физически уничтожали и андерграунд. Так что разница все же есть, и ситуация сегодня напоминает скорее последние годы советского режима. Опять же – пока. Очень надеюсь, что ситуация не ухудшится.

Несколько раз в книге встречается фраза „Gott mach dass ich hier lernen weiter werde“, что буквально означает «Боже, сделай так, чтобы я продолжал здесь учиться». С такой просьбой 9 июня 1925 года Даниил Ювачев (будущий Хармс) обратился к Богу, опасаясь, что его могут отчислить из Ленинградского электротехникума. Просьба, как известно, услышана не была, но меня интересует другое. Почему вы с Андреем Устиновым дважды привлекаете к ней внимание? Что она дает для понимания фигуры Даниила Хармса?

Это фраза относится к году, с которого начинается наша книга, с ключевого года для Хармса – именно в 1925 году он начал писать. Он учится, ему скучно. Информация о его свободном владении немецким преувеличена – в дневниковых записях на немецком часто встречаются ошибки. Нам интересно в этой фразе его обращение к Богу, к которому он будет обращаться в течение всей жизни – и по-немецки, и по-русски, и даже создаст специальный алфавит, «шифр» для таких обращений, но также и для описания разных интимных моментов. Кстати, одна страница из его рукописи хранится в женевском Фонде Бодмера. 1925 год стал переломным в его жизни: он бросает учебу, техникум, начинает собирать левые силы, писать стихи, обращается к Малевичу и так далее.

Листок, вырванный из блокнота. Так выглядит молитва, обращенная к Богу Даниилом Хармсом 21 сентября 1928 г.

Надо сказать, что и в других текстах Хармса – от переписки до заявлений в разные инстанции – встречаются грамматические и орфографические ошибки, а в стихах – через отсылки то к Библии, то, например, к Софоклу – виден образованный человек. Как это объяснить и как связать с требованиями к вступающим в Ленинградский союз поэтов, где на первом месте стояла формальная грамотность?

Я не всегда знаю, как расценить некоторые «безграмотные» записи Хармса – как шутку или как действительную ошибку. Помню, когда в 1985 году вышла его первая книга, в ней все подчистили, исправили в соответствии с каноном, в том числе и в поэзии – что, конечно, «убило» оригинальность Хармса, его колорит. Это как если бы издать Аполлинера и проставить везде запятые. Ясно, что у Хармса была проблема с орфографией, но ясно и то, что он с ней играл.

Представленные в вашей книге газетные статьи той эпохи прекрасно отражают и общую атмосферу в стране, и ряд явлений, переживших и Союз поэтов, и ОБЭРИУ, и сам Советский Союз. Например, вечное соперничество между Санкт-Петербургом/Ленинградом и Москвой. Вот чудесный пассаж из «Красной газеты» за ноябрь 1926 года: «Нет никакого сомнения, что средний уровень поэтической работы в Ленинграде гораздо выше, чем в Москве, что наши поэты относятся к своему творчеству гораздо серьезнее и внимательнее, чем москвичи. Это справедливо и в отношении «больших» поэтов: ни у одного из ленинградских «имен» нет той халтуры, которой нередко снабжают ленинградские редакции московские «светила». Чтобы судить об общем уровне поэтической культуры наших столиц, достаточно сравнить сборники стихов, изданные в текущем году московским и ленинградским Союзами поэтов.» Как ты это прокомментируешь?

Ой! Я терпеливо жду появления исследования об истории соперничества двух столиц – это должна быть очень интересная книга! Все «исторические» отличия ярко проявились и в период авангарда: хулиган Маяковский в Москве, а в Петрограде – Михаил Матюшин, совершенно другая графика. Противостояние продолжалось и в советское время: ленинградский или московский андеграунд 1960-1980-х годов – совершенно разные явления, хотя какие-то точки соприкосновения есть. Но в Ленинграде акценты делались на религию, на Серебряный век, на восстановление культуры, в то время как Москва ориентировалась скорее на постмодернизм и другие модные западные течения. Надо понимать, что ленинградцам двадцатых годов нужно было немножко защищаться, потому что все зло шло из Москвы. Вспомним о работе Малевича в ленинградском филиале ГИНХУКа (Института художественной культуры), шедшей в разрез с официальными установками московского ИНХУКа при «народном комиссариате», то есть министерстве просвещения, хоть и во главе с Луначарским. Малевич превратил его в свободное место, где собирались все левые силы. Конечно, институт разгромили – в 1926 году такое уже не допускалось. Именно тогда Хармс начал писать.

Николай Заболоцкий. Шарж на Даниила Хармса. Конец 1920-х.

Представлены в книге и удивительные документы, от некоторых – мурашки по коже. Чего стоит однострочное заявление Осипа Мандельштама о приеме в Союз поэтов от 27 января 1927 года с резолюцией «принят» четырьмя днями позже. Далее приводится список всех членов этого Союза на конец 1928 года – 62 фамилии. В статье к пятилетию этой организации ее авторы «с большим удовлетворением» отмечали «отсутствие среди членов союза каких бы то ни было «богемных» настроений < ... > что несомненно свидетельствует о моральном здоровье союза. Знаешь ли ты, скольким членам этого морально здорового объединения довелось умереть своей смертью?

Точно не могу сказать, Андрей Устинов наверняка смог бы. Очевидно, что большинству умереть «помогли». А этот список мы опубликовали – кстати, впервые он опубликован полностью – как приглашение другим исследователям продолжить работу.

Я очень надеюсь, что последователи найдутся – в истории культуры России еще много «зашифрованных» страниц.

Александр Введенский. Последнее письмо семье из Харькова. Бумага, 1941 г. Из коллекции Галеев-Галереи.

Source URL: *http://www.rusaccent.ch/blogpost/daniil-kharms-mezhdu-umom-i-zaumyu*